

пердай». — «Но я не вижу в этом смысла, — сказал он, — тогда надо повесить г-на де Ростана», — «*E ladro?* господин де Ростан?»⁸ — спросил Аббат. Наконец, вдоволь насмеявшись, г-жа де Рамбуайе их примирила.

Некая испанка после исповеди отказалась назвать свое имя духовнику, сказав ему: *Padre, mi nombre non é mis peccados* (Мое имя грехом не является).

Один пьяница, умирая, наказал своим друзьям завданные тосты, подобно тому как другие заказывают по себе мессы. «Ибо ничто, — говорил он, — так быстро не залетит огня чистильща».

В Тулузе больше чем где-либо медики строят из себя важных персон. Они даже не изволят сами стегать своих мулов, это делают за них слуги, которые стегают животных свади. Однажды у одного из них, некоего ле-Кока, известного врача, слуга стегнул мула слишком сильно; мул в ответ брыкнул его. Слуга берет булыжник, но вместо того, чтобы ударить по задку мула, попадает хозяину по спине. Доктор оборачивается: «Что такое?». — «Да это мул лягнул меня». — «И меня тоже лягнул». Ну, разве не важная персона?

Лакей Буало по приказу своего хозяина отправился взглянуть, действительно ли так изменился первый Президент де Белльевр, лежавший в гробу в своем парадном платье, как о том говорили. «Право же, — сказал лакей, — если он и изменился, то разве что лицом».

Г-жа де Грямо однажды в особняке Рамбуайе сказала, что ей довелось услышать самые прекрасные стансы на свете. Она так всем надоела, что ей в конце концов сказали: «Ежели вам они так понравились, вы, должно быть, их запомнили; ведь там самое большее десять строн?». — «Боже мой! — воскликнула она, — да вы смеетесь: там их более шести-десяти».

Приезжая в Систо, Генрих IV говорил: «Ах, вот где красиво! Бог мой, какое прекрасное место!». Один толстый монах на все похвалы, которые Король расточал их обители, неизменно отвечал: *Transeuntibus*.⁹ Король обратил внимание на это слово и спросил монаха, что он хочет этим сказать. «Я хочу сказать, Государь, что это прекрасно для тех, кто приезжает, а не для тех, кто здесь живет постоянно».

В Пуасси Генрих IV осведомился у молодой де Мопу, впоследствии настоятельницы обители Сен-Жак-де-Витри: «Кто ваш отец, малютка?». — «Господь бог, Государь». — «Черт побери! Мне очень хотелось бы стать его зятем!». Она многим зятем дала господу богу, эта добрейшая дама, и всегда отважно клялась «несутью детьми, которых выносила!».

Однажды услышали, как поманают в молитвах старого господина Гюртена, полномочное лицо некоего немецкого князя, который, однако, сам присутствовал на богослужении. Все спросили Гюртена, что это значит. «Видите ли, — ответил он, — человеку моего возраста следует опасаться, когда он теряет аппетит. Я привык каждый день съедать по куропатке, а вчера не смог съесть больше половины».